

Валерий Журавлёв

Рец. на: Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. 743 с.; Т. 2. 591 с., ил.

Valeriy Zhuravlev

(Moscow State Regional University, Russia)

Rec. ad op.: Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura. 2 vol. Moscow, 2017

DOI:

«Человечество частично вознаграждает за великие бедствия теми великими уроками, которые из них вытекают... бедствие подобно кузнечному молоту: сокрушая, куёт»¹. Эти слова принадлежат американскому писателю-сатирику второй половины XIX в. К.Н. Боуви, очевидцу Гражданской войны в США 1861—1865 гг. (самого драматического и кровавого явления в послужном списке событий прошлого «безукокоризненной» страны). Опыт мировой истории свидетельствует: эффективность модернизационных процессов в различные времена и у разных народов всегда зависела от их способности не только достигать свершений и побед, но и действенно реагировать на общенациональные поражения и катастрофы. Может быть, в том чтобы извлечь из хитросплетений прошлого не потерявшие сегодня значимости его уроки, более адекватно их осмыслить, сформулировать, представить на суд общества и заключается одна из важнейших социальных функций исторического знания.

Крупнейший социолог XX столетия П.А. Сорокин назвал революцию «трагической школой жизни», добавив при этом, что она «содействует новаторству и обогащению в ряде областей бытия». Пройдя полный курс её суровых уроков, он полагал, что исключительность событий выводит из спячки самые ленивые умы и заставляет их «шевелить мозгами», пробуждает интерес, знакомит с массой новых явлений, расширяет умственный кругозор и ведёт к «открытиям»².

Целый век отечественная и мировая историческая наука с разной долей объективности, беспристрастности, искренности и успеха шла по пути освоения уроков Великой российской революции 1917 г. Для того чтобы подняться на качественно иной

уровень их постижения, весомым поводом и аргументом послужил юбилей Октября.

Рецензируемое двухтомное издание, подготовленное сотрудниками Института российской истории РАН, стало достойным ответом отечественных исследователей на вызовы и запросы современности, относящиеся к переосмыслению тех событий нашего «непредсказуемого прошлого», жгучий интерес к которым не имеет срока давности. При этом актуальность труда заключается не только в плане поверхностной злободневности в идеологическом и политическом отношениях, но и в смысле прямого, глубинного воздействия на наше мировоззрение и миропонимание.

Функцию концептуального стержня, призванного «сцементировать» разделы многопланового изыскания и ориентировать их авторов на решение наиболее важных исследовательских задач, эффективно выполняют краткое обращение «К читателю» и глава I раздела I первого тома, подготовленные ответственным редактором труда Ю.А. Петровым. Констатируя возросшую потребность современного российского общества в переходе от «историографического мифотворчества революции» прошлых лет к объективному осмыслению её как «закономерного звена непрерывного исторического развития России» (т. 1, с. 8), автор фиксирует и анализирует наиболее важные тенденции последних лет. По одной из них предлагается рассматривать революцию не как *событие*, а как *процесс*, что ведёт к расширению хронологических границ изучаемого явления, с включением в него Гражданской войны. Принципиально важной в этой связи является постановка (на первый взгляд парадоксальная) вопроса о том, что «глубин-

ные причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к индустриальному» (т. 1, с. 14). Такой ракурс нацеливает современного исследователя на переход от экономического детерминизма (в его вульгарных проявлениях) к многогранному анализу проблемы в русле теории модернизации, которая ориентирует на рассмотрение исторического прогресса в виде «комплексного многомерного смещения». Речь идёт об одновременном, внутренне скоординированном сдвиге, охватывавшем области экономики, социальной стратификации и политических отношений, а также сферы мировоззрения (светского и церковного), образования, духовной жизни в целом, семейно-брачных отношений в их широком — гендерном — звучании, включавшем положение женщины в обществе³.

При очевидном, хотя и неравнозначном в отдельных своих проявлениях, прогрессе российского общества на рубеже XIX—XX вв. в сферах экономики, образования, мировоззренческой и духовной жизни (в её светском выражении) успешной модернизации в целом мешала «дисгармония» в остальных областях. В первую очередь это касалось политических и даже шире — *властных* отношений. Ведь главной преградой на пути прогресса в российском социуме начала XX столетия стала сохранявшаяся двойная монополия на власть — духовную, идеологическую (прежде всего в лице православной Церкви), и политическую, персонифицированную в структурах самодержавной империи, лишь частично и явно недостаточно затронутых новациями «думской монархии» 1906—1917 гг.

На этот главный перекосяк в ходе реализации модернизационного процесса и прогресса накладывался обострившийся конфликт на ментальном уровне. Он заключался в том, что характерная для западного либерализма, но широко распространившаяся в образованных слоях российского общества тяга к индивидуализму, ориентированная на достижение личного успеха, наталкивалась на внутренне противоречивый конгломерат идей и традиций коллективизма, общественной пользы и государственной целесообразности.

Основополагающим принципам концепции модернизации во многом следует сложная архитектура издания, но вместе

с тем в ней органично представлены элементы антропологического и цивилизационного подходов с активным (но в целом взвешенным) подключением инструментария политологии, социологии, культурологии и социальной психологии. При этом сохраняется видение специфики российского исторического процесса.

Столетию изучения событий революции в контексте их современного восприятия посвящена обширная, историографически основательная и постановочно ёмкая глава 2 (В.В. Тихонов, С.В. Журавлёв) раздела I. Отметив, что проблема Октября занимала центральное место в исторической науке советского периода, авторы подробно анализируют этапы историографического процесса той поры в широком диапазоне — от дискуссий 1917—1930-х гг. и становления сталинской концепции в 1930—1950-х гг. до новаций периода перестройки. Отдельно рассматриваются трактовки революционных событий в общественной мысли Русского зарубежья, а также в западной исторической и политической науке. Показательно, что современная историография (отечественная и зарубежная) в границах 1991—2017 гг. представлена в едином потоке. По оценкам авторов, это стало результатом произошедших в нашей стране методологической и архивной революций, сделавших возможным «создание более или менее единого историографического пространства» в освоении опыта и уроков революционной эпохи. Однако реалии последних лет свидетельствуют, что потенциальная возможность «формирования открытого и диалогического историографического пространства» (т. 1, с. 52) с трудом пробивает себе дорогу к тому, чтобы превратиться в тенденцию, свободную от мировоззренческих «несостыковок», идеологических штампов и пристрастий, доставшихся нам со времён холодной войны.

Следует признать факт, нетрадиционный для отечественной историографии, но вполне рациональный в контексте концепции труда: его конкретно-историческая часть начинается с раздела, посвящённого международному положению России и её внешней политике. При этом речь идёт как о Временном правительстве, курс которого на мировой арене «оставался по своим приоритетам и базовым установкам почти идентичным царскому» (Д.Б. Павлов), так и о Совете народных комиссаров вплоть до марта 1918 г. (В.П. Булдаков). Внешнеполитические доктрины за это время проделали

извилистый путь — от лозунга «Война до победного конца» через угасавшие надежды на «демократический мир, мир без аннексий и контрибуций» к суровой прозе «похабного» сепаратного Брестского мира. Как некий посыл, своего рода «эстафетную палочку» к последующему рассмотрению других аспектов и сторон революционного процесса, правомерно рассматривать итоговое суждение Булдакова: «Россия вышла из войны, как и было обещано большевиками, но это не принесло спокойствия стране. С накопившимися в ней проблемами нельзя было поступить, как с “гордиевым узлом”, ибо они пропитали души людей. И груз этих проблем ощущается до сих пор» (т. 1, с. 145).

Раздел III специально посвящён процессам трансформации структуры отечественного социума накануне и в условиях революции (Н.А. Иванова). Происходившие здесь изменения переходного характера (когда разрушается старое, но ещё не создано полноценное новое) выразились в том, что российское общество, пределав всего за полтора года впечатляющий «путь от подданства к гражданскому равенству, и, не освободившись окончательно от сословности, вступило на стезю ещё более непримиримого сословно-классового противоборства» (т. 1, с. 153). При этом тяга абсолютного большинства трудового населения к воплощению в жизнь начал уравнительности (ведь в ходе выборов в Учредительное собрание 80,6% избирателей проголосовало за партии, называвшиеся социалистическими)⁴ не означала адекватности в позиции рабочего класса, нацеленного на принцип *социальной* справедливости. То же касалось и крестьянства (включая состоявшую преимущественно из него армию), для которого «было по большому счёту, видимо, всё равно, как будет достигнута эта уравнительность, — в результате укрепления привычных традиционных начал или перехода к малопонятному ему социализму. К последнему его подталкивали большевики, которые сумели использовать рабочие, крестьянские и солдатские массы в качестве главной силы революции» (т. 1, с. 224).

Весомое место (в объёмном, содержательном и постановочном отношениях) занимает в структуре первого тома раздел IV, в рамках которого глубоко и всесторонне исследуется проблема революции и экономического положения России. Главные вопросы, на которые стремятся ответить авторы, достаточно традиционны: «Справлялась ли

российская промышленность (и экономика в целом. — В.Ж.) со стоявшими перед ней в годы войны задачами, и какова была взаимосвязь между динамикой производства и революционными событиями 1917 г.?» (т. 1, с. 225). Однако решаются они на базе новых источников и критического освоения историографического багажа.

А.С. Грузинов, анализируя динамику и структуру российского индустриального производства в 1917 г. и констатируя, что во избежание его крушения «требовалось искусное управление государственным кораблём», показывает на фактах, что этого не могло ни царское, ни Временное правительство (т. 1, с. 268). Попытки же последнего в плане выработки промышленной политики и реформирования системы контрольно-регулирующих органов, по оценке А.П. Корелина, очень быстро показали свою бесперспективность. При этом «всё сильнее на первый план выходил фактор непримиримости конфликта между трудом и капиталом, принимавший политический характер» (т. 1, с. 265, 291).

Не смогла внести перелома в данные процессы и советская власть в первый этап своего существования, вплоть до лета 1918 г. Организационную основу как ВСНХ, так и местных совнархозов, приходит к выводу М.Ю. Мухин, «составляли именно созданные ещё царской администрацией военно-регулирующие органы». В дальнейшем же «всё более отчётливо в управлении промышленностью вырисовывалась тенденция к усилению “властной вертикали” и свёртыванию демократических институтов. Период экспериментов завершился — экономика начала перестраиваться в соответствии с принципами “военного коммунизма”» (т. 1, с. 308, 318).

Досконально проанализировав на огромном статистическом материале состояние сельского хозяйства и экономическое положение крестьянства, В.В. Кондрашин фиксирует провал хлебозаготовительной кампании 1917 г., который добавил к клубку проблем, терзавших Россию, ещё одну. Утратив контроль на продовольственном «фронте», государство оказалось способным удовлетворить потребность населения в хлебе лишь наполовину или даже на одну треть (т. 1, с. 356).

Фактором, серьёзно усугубившим тупиковую неспособность решения продовольственного вопроса и обострившим трудности снабжения промышленности и армии,

подготовки и осуществления стратегических военных операций и т.д., послужило «расстройство» (по терминологии того времени) транспорта — железнодорожного, водного, автогужевого. В течение 1917 г. динамика этих процессов, как устанавливает автор соответствующей главы А.С. Сенин, нарастала. К объективным материально-техническим источникам «агонии транспорта» (по оценке тогдашних газет) добавились субъективные в виде массового стихийного движения его работников «с их иллюзиями рабочего самоуправления, распространившимися анархо-синдикалистскими настроениями». В результате «обуздание “сверхреволюционности” рабочих масс, возрождение дееспособности управления на транспорте стало главной задачей советского правительства в 1918 г.» (т. 1, с. 384).

Источниковедчески и историографически фундированная глава 4 посвящена финансовому положению страны с февраля 1917 г. до осени 1918 г., т.е. до расторжения, «уничтожения» (по терминологии большевиков) Брест-Литовского договора (Ю.П. Голицын, Ю.А. Петров). Оценивая финансовое положение страны к осени 1917 г. как катастрофическое, авторы поясняют: «Временное правительство, признав обязательства прежней власти, в т[ом] ч[исле] по внутренним государственным займам, вкладам государственных сберегательных касс и союзническим договорам, в целом продолжило финансовую политику царской власти. Отдельные попытки осуществить принципиально иные действия в этой сфере остались не законченными или провалились» (т. 1, с. 401). В сложном положении в отношении финансов оказались большевики, политика которых в этой области «отличалась скорее импровизацией и реагированием на складывающуюся в данный момент ситуацию, чем следовала по заранее продуманному плану» (т. 1, с. 451). Отсюда проистекала её неизбежная противоречивость.

«Начав сразу после прихода к власти осуществление такой двойственной политики (отказ от выполнения обязательств своих предшественников и одновременно расчёт на “помощь крупного передового капитализма”), — заключают авторы главы, — Советское государство многие десятилетия фактически не имело возможности получения зарубежных государственных кредитов и испытывало большие проблемы с привлечением иностранных инвестиций. Советская власть, двигаясь по намеченному Лениным

пути, была вынуждена проводить индустриальную модернизацию по самому тяжёлому сценарию — без использования возможностей международного финансового рынка, опираясь только на внутренние источники, т.е. путём экспорта природных ресурсов, коллективизации крестьянства, низкого уровня жизни населения и проведения жёсткой политики автаркии» (т. 1, с. 453). Столь обширное умозаключение авторов приобретает значение одного из важнейших уроков нашего революционного прошлого, актуальность которого очевидна. Причём не только в отношении опыта, уже пережитого страной, но и в свете того, что наши западные «партнёры» и сегодня пытаются через систему перманентно возобновляющихся санкций, «загнать» современную Россию в режим автаркической модели модернизации.

Одним из самых удивительных и значимых (в плане осмысления исторического опыта) явлений 1917 г. стала небывалая активность различных политических и социальных сил в становлении властных и общественных (гражданских) институтов. В разделе V чётко очерчен и проанализирован широкий спектр идущих как «сверху», так и «снизу» инициатив по строительству новых форм государственных и гражданских коммуникаций, позволяющих, на мой взгляд, применить к ним понятие «революционное творчество» в сложном, подчас противоречивом сочетании традиции и новаторства. Речь идёт в первую очередь о Временном правительстве, его месте в политической системе (К.А. Соловьёв) и проводимых им реформах (А.Б. Николаев). Кроме того, нельзя забывать и о «наборе» совещательных структур — Государственном и Демократическом совещаниях, Предпарламенте, Экономическом совете и Юридическом совещании (А.Л. Стародубова) как средстве подкрепления легитимности Временного правительства и расширения (на коалиционной основе) его социальной базы.

Если деятельность вышеупомянутых учреждений в большей степени тяготела (в правовом её осознании) к традиции, то «отчасти напоминавшие о руссоистском идеале прямой демократии» дооктябрьские Советы и органы самоуправления (их работу анализируют Е.П. Малышева и А.Ю. Бахтурина), «самим фактом своего существования говорили о возможности принципиально иного политического режима» (т. 1, с. 530). Осенью 1917 г. эти органы «прямой демократии», «став вершиной “айсберга” складывав-

шейся политической системы» (т. 1, с. 529), составили основу формирования концепции и фундамента практического становления институтов новой власти. Всё это было реализовано в послеоктябрьской (вплоть до лета 1918 г.) деятельности Съездов Советов, ВЦИК, Совнаркома, органов правопорядка (Т.Г. Архипова, М.А. Андреев).

Тот факт, что в системе формирования институтов власти 1917 г. Всероссийскому Учредительному собранию в рецензируемом труде уделяется скромное место (т. 1, с. 562—564), на мой взгляд, обедняет картину «революционного творчества» в данной сфере. То же касается оценки беспрецедентного значения Конституанты — как замысла, который на этапе подготовки к выборам приобрёл контуры *национальной идеи*, разделявшейся тогда практически всеми политическими силами и социальными слоями общества, так и реалий самих выборов 12 ноября — первого в отечественной демократической практике опыта всеобщей прямой демократии.

Постановка ключевых проблем и их решения в разделе VI, посвящённом участию в революции 1917 г. общероссийских политических партий, носят новаторский характер. Это в немалой степени определяется обновлённой источниковой базой, основа которой — уникальное серийное академическое издание, насчитывающее сегодня 58 томов, весомая часть содержания которых относится к событиям 1917 г.⁵

В разделе представлены объективные и субъективные обстоятельства, из-за которых в реалиях ставшего экзаменом для всей партийно-политической структуры страны революционного процесса консервативные (А.А. Иванов) и либеральные (В.В. Шелохаев) партии «так и не смогли “укорениться” на российской почве, стать структурной компонентой менталитета большинства народа» (т. 1, с. 743).

Сложнее обстояло дело с кругом партий, составивших, по меркам того времени, «социалистическую демократию». Значимость и необходимость союза в их рядах декларировалась практически всеми их лидерами. Так, за месяц до октябрьских событий В.И. Ленин писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками... сделал бы гражданскую войну невозможной»⁶. Перед авторами глав, посвящённых этим партиям, стоял ключевой вопрос: почему всё-таки не со-

стоялся этот союз? Исследователи, каждый из которых выбрал свой путь изысканий, не удовлетворились традиционными про- и антибольшевистскими стереотипами. Логике перехода социалистов-революционеров к вооружённой борьбе с советской властью Н.Д. Ерофеев оценил так: «В итоге не злонамеренная политика большевиков и их органическая якобы неспособность делиться властью с другими партиями, а сама партия эсеров, следуя своей теории, руководствуясь своими представлениями о революции, своими тактическими принципами, поставила себя вне советской политической системы» (т. 1, с. 650). В свою очередь, выступление левых эсеров 6 июля 1918 г., будучи авантюрой экстремистского крыла в руководстве, «с одной стороны, нанесло удар по самой левозероверской партии, а с другой — содействовало усилению тоталитарного характера складывавшейся тогда советской государственности» (т. 1, с. 661).

Оценивая позицию меньшевиков и других течений в РСДРП, П.Ю. Савельев резюмирует, что «по степени нетерпимости к своим идейным и политическим оппонентам и правые, и левые социал-демократы мало чем отличались от большевиков» (т. 1, с. 741). Особой неопределённостью, «смазанностью» своих позиций выделялись анархисты (Д.И. Рублёв), что выразилось уже во время Гражданской войны «в поддержке большевиков, с одной стороны, и в активной борьбе в рядах махновщины, сибирских и кронштадтских повстанцев, с другой» (т. 1, с. 686). Всё это, не укладываясь в концепцию чисто поведенческой «взаимной неуступчивости», позволяет говорить о подлинной трагедии (порождённой в стране *многорукомятым* типом развития, включавшим практически все составляющие общенародного бытия и сознания) разноликого социалистического движения в России.

Беспрецедентный масштаб проведённого исследования, конечно, не означает, что авторам удалось поставить и тем более решить все накопившиеся к настоящему времени аспекты и грани искомой темы. Это отчётливо осознают и сами создатели данного проекта. «Для объяснения причин Великой российской революции, — отмечает Петров, — недостаточно “простых” конспирологических ответов, и, возможно, мы всё ещё далеки от ответа на вопрос, как именно сработал её пусковой механизм» (т. 1, с. 26). Действительно, загадкой в приложении к эпохам «бури и натиска» — и не

только в России — является вопрос о том, почему общество «взрывается» на фоне ещё относительно «терпимого» социально-экономического ландшафта, а потом может годы и десятилетия индифферентно и даже безропотно относиться к испытаниям несравненно более глубокого и трагического звучания? Путь к ответу на этот вопрос, конечно же, лежит в плоскости дальнейшего исследования внутреннего мира человека революционной эпохи, в душе и голове которого происходит своя, невидимая окружающим и даже, возможно, ему самому «тихая» революция. Она является прологом будущего взрыва, идёт подспудный процесс кардинального переворота в оценке идеалов, взглядов и социальных настроений.

Надо признать, что в рецензируемом издании исследование этих процессов и явлений продвинулось как никогда далеко. Прежде всего это касается второго тома. Содержащиеся в нём новации столь обширны и многоплановы, что могут (и должны) составить предмет специального рассмотрения, которое не укладывается в рамки настоящей рецензии. Ограничусь лишь некоторыми моментами.

Том состоит из двух обширных разделов. В семи главах раздела VII (в основной своей части подготовленных Булдаковым) скрупулёзно исследуются направления и проблемы массового движения как сугубо стихийного, так и стремившегося воплотить свою энергию в создание новых институтов власти и структур общественной организации в городе, деревне, центре страны, на фронте, а также на окраинах (С.М. Исхаков).

Видение социально-психологической обстановки «рокового 17-го» было бы неполным без анализа «тотальной духовной перестройки общества» в рамках дихотомии «революция и вера». Слабость и непоследовательность реагирования официальных структур православия на резко меняющуюся ситуацию обернулась тем, что «внутри» церковной ограды», как резюмирует Т.Г. Леонтьева, «уже формировалась духовная оппозиция, не принимавшая официальную церковь и поддержанная безбожной властью». В результате надежды на то, что «козёл революции обломает рога о церковную ограду» (по крылатому выражению академика Ю.В. Готье), не оправдались (т. 2, с. 79).

Результаты сложного (многофакторного и междисциплинарного) исследования воплотились в содержании VIII (последнего) раздела, где освещаются проблемы: культура

в революции и революция в культуре. Здесь, отметила Т.А. Филиппова, от авторов требовалось раскрыть «главную ценностную коллизию эпохи — взаимную ответственность культуры перед обществом и общества перед культурой в условиях краха прежних политических, нравственных, идейных, эстетических ориентиров и ускоренного формирования новых». В главе 8 (последней в разделе и издании) исследовательница поставила перед собой задачу — интегрировать размышления авторов под углом зрения анализа «вчерашних» смыслов столетней давности, не потерявших значения и сегодня.

Итоги этого синтеза, на мой взгляд, репрезентативно отражают проблематику отдельных глав. «Порождённые революцией трудности осмысления и вербального отражения действительности» повлекли за собой «временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов (С.Г. Антоненко), стремительное появление и развитие особого языка символов и метафор (А.В. Голубев), новое прочтение старых политических и культурных смыслов (В.П. Булдаков, В.В. Тихонов), плотный контакт массовой культуры с народной и элитарной как модель выживания в условиях кризиса (И.В. Купцова), идейный разлом внутри прежде единых, профессиональных и культурных корпораций (А.Е. Иванов), ускоренную символизацию революционных событий в сугубо утилитарных целях (В.В. Тихонов), рост риторики “враждебного окружения” и “заговора тёмных сил”, внешних и внутренних (Т.А. Филиппова), архаичность народной “почвы” и авангардизм гипермодернизаторских установок власти (А.В. Голубев). И мы получаем картину глубокой политико-культурной фрустрации (провала, неудачи, срыва. — В.Ж.), подвижности смыслов и быстрой ротации проявляющихся стратегий, на фоне которой очередной революционной власти в центре и на местах приходилось утверждаться» (т. 2, с. 554).

Над дальнейшей разработкой (на существенно обновлённой источниковой базе) этих и ряда других аспектов и сюжетов в русле антропологического, культурологического и социально-психологического подходов к анализу революционных эпох историкам в контакте с представителями других направлений общественности предстоит потрудиться ещё немало. Но ценность любого социального действия, в том числе и историографического, оценивается не по тому, чего не удалось сделать настоящему поколению

исследователей, а по тому, что они сделали (и это действительно произошло!) по сравнению с предшествовавшими поколениями.

Рецензируемое издание в целом правомерно считать адекватным ответом коллектива высокопрофессиональных учёных на сложившиеся к настоящему времени запросы российского общества в отношении познания исторического смысла, значения, последствий и уроков Октября. Они опирались на современный уровень методологии, владения источниковой базой в её нынешнем прочтении, а также критического освоения историографии.

Вместе с тем данный труд открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения поставленных в нём проблем, которые «неизменно актуализируются и по-своему прочитываются на каждом новом этапе научного осмысления революции». Утверждая непреложность этого обстоятельства, авторы резюмируют: «Непомерно высокая цена, которую заплатила Россия в XX в. за революционный эксперимент, во многом стала следствием того, что прежняя культурная, в т[ом] ч[исле] и государственная, политическая элита страны не справилась с исторической задачей актуализации ценностей, переводом смыслов традиционной аксиологии патриархального общества на язык цивилизации модерна. Жёсткие, болезненные, травмирующие действия новой власти были исторически неизбежными ответами на реальные, остро назревшие вопросы российской действительности» (т. 2, с. 558, 568).

Констатацию всех этих обстоятельств и процессов, способных нарушить социаль-

ный мир, переведа его в состояние смуты, правомерно рассматривать не только в исторически ситуативном, но и в общесоциологическом плане. Это побуждает всех нас, но в первую очередь политиков, отрешиться от самоуспокоенности, заставляя учиться жить в режиме «перманентной озабоченности», постоянного внимания ко всему, что мешает нам обновляться, развиваться и двигаться вперёд.

Примечания

¹ Афоризмы. По иностранным источникам. Изд. 3, перераб., доп. М., 1985. С. 9, 316.

² *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2010. С. 241—242.

³ См: *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 173—175; *Smelser H.J.* Processes of Social Change // *Sociology: An Introduction.* N.Y., 1973. P. 747—748; *Eisenstadt Sh.* The Dynamics of Modern Society. N.Y., 1972. P. 435.

⁴ *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164; Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Авт.-сост. Л.Г. Протасов. М., 2014.

⁵ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX вв. Документальное наследие / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1994—2018.

⁶ *Ленин В.И.* Русская революция и гражданская война // *Ленин В.И.* ПСС. Изд. 5. Т. 34. С. 222.